

**MINISTÈRE
DE L'EUROPE
ET DES AFFAIRES
ÉTRANGÈRES**

*Liberté
Égalité
Fraternité*

DIRECTION DES RESSOURCES HUMAINES

SOUS-DIRECTION DE L'ATTRACTIVITÉ ET DES RECRUTEMENTS

Bureau des concours et examens professionnels

**Concours externe, concours interne et troisième concours
pour l'accès à l'emploi de
secrétaire des affaires étrangères (cadre d'Orient)
au titre de l'année 2026**

Épreuve écrite d'admissibilité n°4

Mercredi 26 novembre 2025

Russe

Section Europe orientale et Asie centrale

Durée totale de l'épreuve : 3 heures - Coefficient : 3

Toute note inférieure à 10 sur 20 est éliminatoire.

Dictionnaire non autorisé

Réponses courtes, dans la langue choisie au moment de l'inscription, à des questions à partir d'un dossier composé dans cette même langue permettant d'apprécier les connaissances linguistiques et l'aptitude à formuler des réponses complexes sur les sujets d'actualité en lien avec la section choisie.

Ce dossier comporte 10 pages (page de garde, sujet et sommaire non compris)

Sommaire

Document 1.....	1
Document 2.....	3
Document 3.....	6
Document 4.....	8

Questions

Question 1 (5 points) :

Потеряла ли Россия верных союзников в своей сфере влияния с 2022 года?

Question 2 (7,5 points) :

Какое пространство для маневра есть у стран Центральной Азии, чтобы уравновесить или противодействовать экономическому влиянию Китая и России?

Question 3 (7,5 points) :

Имеются ли у Беларуси рычаги в экономической и внешней политике для сохранения свободы действий по отношению к России, и если да, то какие?

Document 1

Газ, нефть, АЭС: Лукашенко хочет гарантий Путина на 5 лет

Александра Богуславская ; 30.09.2025

Deutsche Welle - <https://www.dw.com/ru/gaz-neft-i-vtoraa-aes-lukashenko-hocet-garantij-ot-putina-srazu-na-5-let/a-74186853>.

Лукашенко и Путин "вышли на договоренности по газу" на следующие пять лет. Что это означает для Беларуси и при чем тут строительство второй АЭС - у DW.

После встречи в Кремле с Владимиром Путиным 26 сентября Александр Лукашенко заявил, что Россия и Беларусь вышли на договоренности по газу на пятилетку. "По нефти мы договорились - у нас серьезные договоренности, проблем никаких нет. По газу вышли на договоренности. Я думаю, после этого разговора мы дошлифуем эти вопросы. Уже на пятилетку практически. Вот в чем был вопрос - не на один год, а на пятилетку", - рассказал Лукашенко.

Кроме того, Лукашенко заявил о возможности строительства второй АЭС на востоке Беларуси, чтобы обеспечивать электричеством оккупированные Россией регионы Украины. Что означают эти договоренности и зачем Лукашенко вторая АЭС - DW обсудила с белорусскими экономистами.

Зачем договоренности по нефти и газу нужны на 5 лет?

Возможные договоренности по нефти и газу между Москвой и Минском на пятилетку академический директор ВЕРОС Лев Львовский объясняет тем, что "всем хочется стабильности": "Известно, что Россия дает Беларуси достаточно привлекательные цены на нефть и сверхпривлекательные цены на газ. И, по всей видимости, Лукашенко хочет зафиксировать этот дисконт, с которым мы получаем газ, чтобы не обсуждать каждый год, а договориться сразу на 5 лет".

Однако, по мнению Львовского, такая договоренность вряд ли избавит от необходимости через год заново летать в Москву и договариваться: "Это все же договор между двумя автократами, и Владимир Путин может легко изменить свое мнение".

Львовский также объясняет, что договоренности между Путиным и Лукашенко в первую очередь касаются газа. Российскую нефть Беларусь получает лишь с небольшим дисконтом в среднем около 10%.

"А вот газ для Беларуси стоит чуть ли не в 3 раза дешевле, чем на европейском рынке. Это важно не только потому, что Беларусь экономит, а еще и потому, что за счет такой ценовой разницы вообще могут выживать некоторые белорусские предприятия, например "Гродно-Азот" или стекольные заводы, которые могут конкурировать с европейскими производителями только при условии, что в Беларуси газ значительно дешевле", - говорит экономист.

В прошлом переговоры Путина и Лукашенко по нефти и газу нередко сопровождались конфликтами вплоть до "нефтяной войны". Сейчас, как говорит Львовский, проблемы уже не касаются непосредственно нефти и газа, ведь Лукашенко воспринимает помощь России как общий пакет. "Да, по газу теперь мы не ссоримся, но при этом по другим категориям Лукашенко предъявляет претензии - например, о том, что Россия мало покупает "МАЗов" и тракторов".

БелАЭС - конкурент "Газпрома"?

Представительница по экономике Объединенного переходного кабинета (ОПК) Алиса Рыжиченко обращает внимание на замечание, которое сделал Владимир Путин во время встречи с Александром Лукашенко. Президент России пошутил, что Островецкая АЭС стала конкурентом для "Газпрома", который поставляет газ в страну. Однако Лукашенко поспешил заверить, что Минск планирует закупать у "Газпрома" практически те же объемы газа, что и до строительства АЭС в стране, мол, компания "не останется внакладе".

Рыжиченко поясняет, что потребность в газе у Беларуси действительно сократилась из-за введения в эксплуатацию АЭС: "И тут же Лукашенко просит у Путина деньги на строительство второй АЭС, хотя в то же время ведет переговоры о поставке газа на пять лет".

Экономистка говорит, что суть здесь в том, что цена, которая допустима для Беларуси и на которую готовы пойти в России, должна быть зафиксирована в случае, если будет подписано соглашение об объемах поставок на пять лет.

"То есть Россия хочет обеспечить себе покупателя газа - если вы хотите низкие цены, то должны на протяжении 5 лет потреблять и покупать наш газ. Вне зависимости от того, будет ли Россия финансировать строительство второй АЭС или нет. Лукашенко фактически поставили перед условием, что он должен зафиксировать объемы поставок на 5 лет. И абсолютно не важно, нужны они будут вообще Беларуси в таком объеме", - говорит Рыжиченко.

По мнению Львовского, слова Путина про конкуренцию БелАЭС с "Газпромом" звучали как "подколка" Лукашенко, ведь АЭС изначально строилась для того, чтобы электроэнергией замещать российские энергоресурсы.

"Но, как видно, замещать мы не можем - и география АЭС не там, где потребитель, и инфраструктуры для передачи больших объемов электроэнергии нет. И Лукашенко, отвечая Путину, фактически признался, что да, БелАЭС построили просто так, и Беларусь продолжит закупать те же самые объемы нефти и газа", - считает Львовский.

Зачем Лукашенко вторая АЭС?

На встрече в Кремле Лукашенко также предложил построить вторую АЭС на востоке Беларуси, якобы для того, чтобы питать оккупированные Россией территории Украины. Зачем Лукашенко еще одна АЭС, учитывая, что действующая АЭС в Островце часто простаивает?

Лев Львовский говорит, что АЭС для Лукашенко - это "такая волшебная вещь", под которую можно взять кредит 6 млрд долларов и на эту сумму улучшить показатели ВВП.

"С начала войны Россия перестала давать Беларуси кредиты, и Лукашенко перешел на стратегию связанных кредитов, то есть кредитов, выдаваемых под что-то. Китайцам он предлагал профинансировать АЭС под предлогом питания теплиц для выращивания овощей и цветов. Путина ромашками не удивишь, поэтому ему Лукашенко пытается АЭС продать под другим соусом - раз Путин любит оккупировать территории, то ему можно предложить построить АЭС, которая будет питать эти территории. Хотя практически тут все плохо сходится - Беларусь не граничит с оккупированными областями Украины", - поясняет Львовский.

Рыжиченко также отмечает, что Лукашенко заинтересован в улучшении экономических показателей через строительство второй АЭС. "Для него важен приток инвестиций в страну, это создает рабочие места, прирост ВВП и так далее. Это освоение огромного капитала, который больше нигде взять, и который будет держать на плаву определенные отрасли экономики, например, строительство". (...).

Document 2

Дружба без денег? Ожидать ли РБ новых инвестиций от Китая

Дарья Бернштейн ; 30.09.2025

Deutsche Welle - <https://www.dw.com/ru/kitaj-ne-smesivaet-druzbu-s-dengami-ozidat-li-rb-novyh-investicij/a-74176225>

Доступ к перспективным проектам китайских инвесторов получили друзья Лукашенко, которые находятся под санкциями. Беларусь рассчитывает на прибыль, а Китай?

Лукашенко пригласил китайцев вкладываться в сельское хозяйство - построить высокотехнологичные теплицы по выращиванию овощей и цветов. С белорусской стороны проекты будут курировать близкие к режиму бизнесмены, которые находятся под санкциями. В ближайшие два года власти ожидают прорыв по инвестициям из Китая. Есть ли основания для такого оптимизма?

Что Лукашенко пообещал китайцам?

В сентябре 2025 года Александр Лукашенко встретился с китайскими бизнесменами и обсудил развитие тепличного хозяйства. Как сообщает пресс-служба политика, Китай предложил поделиться своими технологиями выращивания овощей, ягод и цветов. Речь идет о компании Shandong Lisente Agricultural Technology, которая в прошлом году заключила контракт на строительство теплицы четвертого поколения для выращивания томатов в Светлогорске.

"У нас достаточно подходящей земли и рабочей силы, опытной в искусственном орошении и удобрении. Наши специалисты готовы и способны поддерживать эти комплексы", - заявил Лукашенко на встрече с представителями Shandong Lisente Agricultural Technology.

Среди преимуществ Беларуси он назвал конкурентные цены на природный газ, профицит электроэнергии, отечественные удобрения и квалифицированную рабочую силу. "Существует спрос на эти продукты на соседнем российском рынке и в Европе. Создавая и быстро расширяя деятельность в Беларуси, вы сможете выращивать все виды овощей и продавать их на этих огромных рынках, - пообещал Александр Лукашенко. - Вы можете рассчитывать на полную поддержку белорусского правительства. Выращенные овощи могут быть поставлены и на китайский рынок".

Также политик встретился с руководством компании Shandong Hualiang Greenhouse Engineering, которая специализируется на выращивании цветов. С введением санкций и закрытием пограничных пунктов со стороны ЕС у Беларуси возникли сложности с импортом цветов.

"Вы будете среди самых желанных гостей в Беларуси, - заявил Лукашенко. - Рынки цветочной продукции в Беларуси и России почти не развиты, практически нет конкуренции. Если вы начнете продавать здесь свои изысканные продукты, мы будем очень благодарны".

Вице-премьер Николай Снопков заявил, что 2026 - 2027 годы будут посвящены технологическому и промышленному сотрудничеству между Беларусью и Китаем. "Уже в этом году мы начали цикл инвестиционных проектов, которые за два-четыре года полностью преобразят технологический ландшафт нашей страны, - сказал чиновник. - В ходе встречи, состоявшейся в июне в Пекине, подписаны инвестиционные проекты на 130 миллионов долларов. Эта сумма не учитывает стоимость технологий, которые Китай передает Беларуси. Одна из компаний, заключивших с нами соглашение, ежегодно инвестирует 2 миллиарда долларов в исследования и разработки".

Работать с китайцами будут друзья Лукашенко

С белорусской стороны тепличным бизнесом будут заниматься люди, приближенные к Александру Лукашенко. Овощные проекты получил бывший глава теннисной федерации Сергей Тетерин, цветочный бизнес - экс-глава федерации хоккея, сенатор Дмитрий Басков.

"На встрече с китайскими бизнес-партнерами мы пришли к тому, что этот проект будет жить, будет двигаться, - заявил Тетерин в Пекине. - У них очень интересные наработки, связанные с селекцией. Это может быть полезно нашей стране. Есть помидоры, огурцы такой формы, которых я сам раньше не видел. Совместный инвестиционный проект будет жить в Беларуси. Сначала в Витебской области, а потом дальше по стране".

Друзья Лукашенко и раньше зарабатывали на сотрудничестве с китайцами. Так, Виктор Шейман и Александр Зайцев с 2018 года были причастны к экспорту куриных лапок - деликатесного и востребованного продукта в Китае, выяснил Белорусский расследовательский центр. Восемь белорусских птицефабрик имели доступ к китайскому рынку. Был зафиксирован резкий рост экспорта - с 10 тысяч тонн в 2020 году до 60 тысяч тонн в 2023 году. Беларусь вошла в число ведущих поставщиков наряду с мировыми гигантами мясного производства. Годовой объем отгрузок составил 250 млн долларов.

Чрезвычайно высокие показатели привлекли внимание китайских контролеров. Проверка показала, что Беларусь поставляет на 40 % больше лапок, чем способна производить. Выяснилось, что производители через посредников покупали турецкие и украинские субпродукты и выдавали их за свою продукцию. В итоге в 2024 году Пекин почти полностью заблокировал импорт из Беларуси продукции из птицы. Так страна лишилась доступа к крупнейшему в мире рынку, который оценивается в миллиарды долларов. По подсчетам БРЦ, за первый год запрета недополученная прибыль может составить 140 миллионов долларов.

Политическая дружба не гарантирует инвестиции

По мнению академического директора исследовательского центра BEROC Льва Львовского, Беларусь остается непривлекательной для Китая как инвестиционный партнер. "До 2020 года мы могли восприниматься как транзитный партнер и потенциальная ступенька к Европе. Например, при создании Geely рассматривались планы сборки автомобилей в Беларуси с последующим постепенным выходом на европейский рынок. Но в итоге санкции сделали экспорт продукции из Беларуси в Европу сложным, и оказалось проще собирать все непосредственно в Китае. Статус стабильного транзитного партнера мы также потеряли, причем надолго. Китай уже инвестирует в обходные логистические маршруты, и этот процесс не прекратится даже в случае снятия санкций".

По словам эксперта, за последние три года в Беларусь не поступило крупных китайских инвестиций. "Непонятно, что должно измениться в 2026 - 2027 годах, если в предыдущие годы Китай не находил оснований для вложений. Хотя предпринимались разные попытки привлечь китайские средства, создавались специальные экономические зоны для инвестиций, приезжал даже премьер-министр Китая, результата не было, - продолжает собеседник. - Отдельно предпринимались усилия разместить белорусские облигации на китайском рынке, но китайская сторона отказала, назвав их слишком низкого качества".

Львовский подчеркивает: Китай не смешивает дружбу и деньги, в отличие от России. "Мы видим резкий контраст: на политическом уровне у режима Лукашенко и Китая довольно тесные отношения - многочисленные визиты, заявления о партнерстве. Но в экономике этого совершенно не видно", - заключает эксперт.

По оценкам экономиста Ярослава Романчука, все проекты, которые Китай реализовал в Беларуси, "были такого низкого качества, что к структурным переменам белорусской экономики это не привело". Так, цементный завод в Красносельском и Светлогорский целлюлозно-бумажный комбинат были модернизированы и построены при участии китайских кредитов и подрядчиков, но оказались убыточными из-за технических проблем, завышенных прогнозов и низкой рентабельности. В итоге Беларусь получила долговую нагрузку и простаивающие мощности.

Document 3

В Центральной Азии зарождается новая нефтяная держава

Жанат Ардак ; 23.08.25

<https://inbusiness.kz/ru/news/v-centralnoj-azii-zarozhdaetsya-novaya-neftyanaya-derzhava>

Республика уже вошла в первую пятидесятку стран по запасам черного золота.

Центральная Азия, привыкшая к доминированию Казахстана в нефтяной сфере, теперь наблюдает за появлением нового, амбициозного игрока. Узбекистан и Азербайджан заключили историческое соглашение, способное ознаменовать новую веху в сотрудничестве между двумя тюркоязычными странами еще в одной сфере. SOCAR совместно с правительством Узбекистана инвестирует 2 миллиарда долларов в разведку и разработку Устюртского нефтяного месторождения, передает inbusiness.kz.

Стоит отметить, что сегодня государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики SOCAR (акроним от State Oil Company of Azerbaijan Republic) – это международный бренд, известный во многих странах мира.

Основная ее деятельность охватывает добычу, переработку и транспортировку нефти и газа, реализацию нефти и нефтехимических продуктов на внутреннем и международном рынках.

24 июля 2025 года министерством энергетики Республики Узбекистан, SOCAR и АО "Узбекнефтегаз" торжественно было подписано соглашение о разделе продукции. Согласно документу, геологоразведочные работы будут проводиться в Устюртском регионе, граничащем с Казахстаном.

Теперь стало известно о подписании Узбекистаном энергетического соглашения с SOCAR. Согласно документу, Узбекистан и SOCAR вложат 2 миллиарда долларов в разработку нефтяного месторождения Восточный Устюрт, сообщает Petrocouncil.

Устюртский регион, который геологически относится к Туранской плите, – это полупустынное плато в Центральной Азии, расположенное между Каспийским морем на западе и Аральским морем на востоке, включая бывшую акваторию Аральского моря. В западной ее части расположен Казахстан, а в восточной – Узбекистан.

При этом Восточный Устюрт является обширной частью плато Устюрт, с большим потенциалом для разведки и добычи углеводородов.

Территория самого плато занимает площадь около 200 000 квадратных километров. Регион богат на месторождения нефти и природного газа, а также других минеральных ресурсов.

Казахстан с прошлого века активно разрабатывает собственные месторождения (некоторые уже истощены) черного золота. Теперь черед за Узбекистаном.

В советское время, в 1950-х годах, велось геологическое изучение узбекской части Устюрта на нефть, газ и воду с применением сейсмики и глубокого бурения. Тогда проводилось бурение на 50 площадях, 43 из которых были выведены из поискового бурения с отрицательным результатом.

Советские геологи дошли только до разреза юрско-антропогенного чехла, пермо-триаса и допермского палеозоя. Впрочем, нашли там голубое топливо – открыто 7 газоконденсатных месторождений.

В итоге советские исследователи пришли к выводу, что "высокой нефтегазоносности в этом регионе не выявлено". Однако с тех пор получили широкое распространение высокие технологии, позволяющие проводить глубокое и эффективное бурение, и появились новые решения.

По данным портала Neftegaz, относительно высокая прогнозная оценка ресурсов углеводородов данного региона дает основание для продолжения поисково-разведочных работ по новой программе.

Изучение геологии и газоносности Восточнoустюртского региона продолжилось в 2006 году, после подписания "Соглашения об основных принципах проведения геологического изучения недр инвестиционных блоков Устюртского региона Республики Узбекистан" между "Узбекнефтегазом" и российским "Газпромом".

А теперь Узбекистан в партнерстве с государственной нефтяной компанией SOCAR Азербайджана планирует обнаружить крупное нефтяное месторождение. Первоначальные прогнозы предполагают, что в Устюртской области может храниться около 100 миллионов тонн нефти и 35 миллиардов кубометров природного газа.

Как только проект вступит в действие, он может добыть 5 миллионов тонн нефти в год. Это в 2,5 раза превышает весь объем импорта нефти, который Узбекистан импортирует из-за рубежа.

Ожидается, что проект удовлетворит спрос на нефть в Узбекистане в течение следующих 25 лет. Возможно, это только начало. В настоящее время геологи оценивают прогнозные ресурсы извлекаемых углеводородов Восточного Устюрта в объеме 970 миллионов тонн нефтяного эквивалента.

По запасам нефти Узбекистан уверенно входит в первую полусотню стран мира с черным золотом (примерно 45-е место).

Эксперты отмечают, что нефтяные месторождения Узбекистана не ограничиваются Устюртским регионом. Основная часть – более 75% уже доказанных запасов – сосредоточена в одной Кашкадарьинской области, в том числе 70% на месторождении Кокдумалак.

В 2021 году в стране было открыто крупнейшее в стране месторождение вязкой нефти и битума, расположенное в Зерафшанской впадине на границе Самаркандской и Навоийской областей. Его запасы оцениваются в 100 миллионов тонн, а максимальная добыча в 2025 году прогнозируется на уровне 1 миллион тонн битумной нефти.

Месторождения нефти также разведаны в Каракалпакстане и шести областях страны: Кашкадарьинской, Бухарской, Сурхандарьинской, Наманганской, Андижанской и Ферганской.

Разработка приграничного месторождения Кокдумалак, свыше 50% запасов которого сосредоточено на территории Туркменистана, ведется в соответствии с межправительственным соглашением между Узбекистаном и Туркменистаном, подписанным в марте 1997 года. В соответствии с условиями соглашения часть добытой нефти безвозмездно поставляется на Сейдинский НПЗ в Туркменистане.

В то же время сегодня Узбекистан импортирует большую часть нефти из-за рубежа. Республика во многом зависит от нефти из Казахстана. Небольшая часть импортируется из Туркменистана и России.

Если и когда Узбекистан начнет добывать углеводороды в больших объемах на собственной территории, Казахстан потеряет солидный рынок сбыта своей нефти в регионе.

Document 4

Нефть на исходе: успеет ли Центральная Азия перестроить экономику?

29.05.2025

<https://stanradar.com/news/full/57505-neft-na-ishode-uspeet-li-tsentralnaja-azija-perestroit-ekonomiku.html>

Центральная Азия, включающая Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, исторически опирается на экспорт углеводородов как ключевой фактор экономического роста. Регион обладает значительными запасами нефти и газа: Казахстан располагает около 3% мировых запасов нефти (примерно 30 млрд баррелей) и 1,2% газа, Туркменистан — 10% мировых запасов газа (около 19,5 трлн куб. м), а Узбекистан имеет около 0,6 трлн куб. м газа. Эти ресурсы обеспечивают существенную долю ВВП: в Казахстане нефтегазовый сектор формирует до 30% ВВП и 60% экспорта, в Туркменистане — около 40% ВВП, в Узбекистане — 20%. Однако истощение запасов, волатильность цен на энергоносители и глобальный переход к низкоуглеродной экономике ставят под вопрос устойчивость текущей модели.

Глобальный спрос на нефть, по прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), достигнет пика к 2030 году, составив 105,7 млн баррелей в сутки, после чего начнет снижаться в сценарии Net Zero к 2050 году до 24,7 млн баррелей. Запасы нефти в Центральной Азии конечны: в Казахстане при текущем уровне добычи (1,8 млн баррелей в сутки) разведанные запасы могут быть исчерпаны через 45–50 лет, в Узбекистане — через 20–25 лет. Туркменистан, ориентированный на газ, столкнется с аналогичными проблемами, так как спрос на газ в Европе, ключевом рынке, сократится на 20% к 2030 году из-за перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Эти тенденции требуют от региона диверсификации экономики и адаптации к новым реалиям.

Казахстан, крупнейшая экономика региона, производящая 0,2% мирового ВВП (около 225 млрд долларов в 2023 году), наиболее зависим от нефти. Экспорт углеводородов обеспечивает 60% валютных поступлений, а падение цен на нефть в 2014–2016 годах привело к девальвации тенге на 85% и снижению ВВП на 2,5% в 2015 году. Страна предпринимает шаги по диверсификации: программа «Нұрлы Жол» (2015–2025) направлена на развитие транспортной инфраструктуры и ненефтяного сектора, а доля ненефтяного экспорта выросла с 35% в 2010 году до 42% в 2023 году. Однако прогресс ограничен: обрабатывающая промышленность составляет лишь 12% ВВП, а сельское хозяйство — 5%. Инвестиции в ВИЭ составляют менее 1% от общего объема (около 1,2 млрд долларов за 2015–2023 годы), тогда как в нефтегазовый сектор ежегодно вкладывается 10–12 млрд долларов.

Узбекистан, второй по экономической мощи в регионе (ВВП 90 млрд долларов в 2023 году), демонстрирует более сбалансированную структуру экономики. Доля углеводородов в экспорте снизилась с 30% в 2010 году до 15% в 2023 году за счет роста текстильной промышленности (экспорт 3,5 млрд долларов) и сельского хозяйства (экспорт 2 млрд долларов). Реформы 2017–2023 годов, включая либерализацию валютного рынка и приватизацию, привлекли 7 млрд долларов прямых иностранных инвестиций, из которых 40% направлено в ненефтяной сектор. Однако зависимость от газа сохраняется: 90% электроэнергии производится из ископаемого топлива, а мощность ВИЭ составляет лишь 700 МВт (4% от общей генерации).

Туркменистан, с ВВП около 60 млрд долларов, остается наиболее уязвимым. Газ обеспечивает 80% экспортных доходов, а экономика почти полностью зависит от китайского рынка (70% экспорта газа). Попытки диверсификации минимальны: ненефтяной сектор составляет менее 20% ВВП, а инвестиции в ВИЭ практически отсутствуют (менее 0,1 млрд долларов за 2015–2023 годы). Закрытость экономики и низкая прозрачность препятствуют привлечению инвестиций: индекс восприятия коррупции (CPI) в 2023 году составил 18 из 100, худший показатель в регионе.

Кыргызстан и Таджикистан, с ВВП 12 млрд и 10 млрд долларов соответственно, имеют ограниченные запасы углеводородов, но зависят от денежных переводов мигрантов (30–40% ВВП) и экспорта сырья

(золото в Кыргызстане, алюминий в Таджикистане). Эти страны уязвимы к внешним шокам: падение цен на золото на 10% в 2020 году сократило экспортные доходы Кыргызстана на 15%. Развитие ВИЭ, особенно гидроэнергетики, сдерживается нехваткой инвестиций: мощность ГЭС в Таджикистане составляет 4 ГВт, но потенциал оценивается в 40 ГВт.

Климатические изменения усугубляют вызовы. С 1950 года средняя температура в Центральной Азии выросла на 1,6°C в северной части и 0,5°C в южной, что привело к сокращению ледников на 30%. Это угрожает водоснабжению: 80% водных ресурсов региона формируется за счет ледников. По оценкам Всемирного банка, экономические потери от стихийных бедствий составляют 0,4–1,3% ВВП ежегодно. Адаптация требует инвестиций в размере 20 млрд долларов к 2030 году, но текущие расходы не превышают 1 млрд долларов в год.

Глобальный переход к низкоуглеродной экономике создает дополнительные риски. Страны ЕС, на которые приходится 40% экспорта казахстанской нефти, планируют ввести углеродный налог (СВАМ) с 2026 года, что увеличит издержки экспортеров на 5–10%. Китай, основной потребитель туркменского газа, намерен сократить долю ископаемого топлива в энергобалансе с 80% в 2023 году до 50% к 2040 году. Эти меры снижают конкурентоспособность углеводородов из Центральной Азии, вынуждая регион искать альтернативные источники дохода.

Технологический прогресс в добыче углеводородов замедляет истощение запасов, но не решает проблему долгосрочно. В Казахстане коэффициент извлечения нефти (КИН) составляет 30–40%, что ниже мировых стандартов (50–60%). Новые технологии, такие как закачка полимеров, протестированные на Западно-Салымском месторождении, повышают КИН до 69%, но их внедрение ограничено из-за высокой стоимости (до 500 млн долларов на месторождение) и налоговой системы, ориентированной на традиционные методы добычи. В Узбекистане и Туркменистане аналогичные технологии почти не применяются.

Альтернативные источники энергии развиваются медленно. В Казахстане доля ВИЭ в энергобалансе выросла с 1% в 2015 году до 4% в 2023 году, но цель в 15% к 2030 году требует инвестиций в 10 млрд долларов. Узбекистан планирует довести долю ВИЭ до 25% к 2030 году, но текущие проекты (1,5 ГВт солнечных и ветровых станций) покрывают лишь 10% потребности. Таджикистан и Кыргызстан зависят от гидроэнергетики (90% и 80% генерации соответственно), но износ инфраструктуры (70% ГЭС построены до 1990 года) снижает эффективность. Туркменистан практически не инвестирует в ВИЭ, сохраняя ориентацию на газ.

Социально-экономические последствия перехода к постуглеродной экономике значительны. Нефтегазовый сектор обеспечивает 10–15% занятости в Казахстане и Узбекистане, но переход к ВИЭ создает меньше рабочих мест: на 1 МВт мощности в нефтегазе требуется 10 работников, в ВИЭ — 2–3. Без переобучения 500 тыс. человек в регионе могут потерять работу к 2040 году. Образовательные программы ограничены: в Казахстане только 5% вузов предлагают курсы по ВИЭ, в Узбекистане — 3%. Низкий уровень цифровизации (индекс цифровизации в регионе — 0,45 против 0,7 в ЕС) затрудняет переход к высокотехнологичным отраслям.

Региональное сотрудничество могло бы ускорить адаптацию, но оно ограничено. Проекты, такие как газопровод TAPI (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), буксуют из-за геополитических рисков и нехватки финансирования (стоимость 10 млрд долларов). Трансграничные инициативы в ВИЭ, например, объединение энергосистем, не реализуются из-за отсутствия политической воли и инфраструктуры.

Международные организации подчеркивают необходимость реформ. МВФ рекомендует странам региона сократить субсидии на ископаемое топливо (в Казахстане — 5% ВВП, в Узбекистане — 7%) и увеличить прозрачность бюджетов. Всемирный банк оценивает потребность в инвестициях в зеленую экономику в 50 млрд долларов к 2050 году, но текущие обязательства не превышают 10 млрд

долларов. Пример Азербайджана, снизившего долю нефти в ВВП с 51,2% в 2011 году до 37,8% в 2021 году, показывает, что диверсификация возможна, но требует последовательной политики и времени.

Центральная Азия не готова к постуглеводородной эпохе. Зависимость от углеводородов, низкий уровень инвестиций в ВИЭ, климатические риски и социальные вызовы ограничивают потенциал региона. Без ускорения реформ, включая налоговые льготы для зеленых технологий, развитие образования и региональное сотрудничество, страны рискуют столкнуться с экономическим спадом и социальной нестабильностью. Текущие темпы изменений недостаточны для адаптации к глобальным трендам, и время для подготовки стремительно сокращается.